

Шэнь Цинцы подтащил мстительного духа к себе и устроил ей стремительный допрос.

Поначалу призрачная женщина ещё пыталась сопротивляться: оскалившись и размахивая когтями, она бросилась на него, но духовная сила, исходившая от его тела, отбросила её прочь. Она врезалась в стену барьера и издала пронзительный вопль.

Шэнь Цинцы без всякого выражения на лице снова подтянул её к себе:

— Веди себя смирно.

Призрачная женщина:

— ...

Перед лицом подавляющего превосходства в силе даже самая тяжёлая обида заставит склонить голову.

Призрачная женщина во всём призналась: люди в этой усадьбе действительно один за другим умирали под её влиянием. За десятки лет после собственной смерти она своими глазами наблюдала, как эта семья живёт всё лучше и лучше, и не могла с этим смириться. Её обида становилась всё сильнее, пока вся усадьба не оказалась окутана иньской энергией. Любой, кто жил здесь достаточно долго, неизбежно подвергался её разъедающему воздействию: в лёгком случае становился слабым и болезненным, в тяжёлом — умирал.

Выслушав её, Шэнь Цинцы на мгновение замолчал.

Затем он прислушался к ощущениям и, убедившись, что в этом мире действительно существует мир духов — то, что в просторечии называют загробным миром или Преисподней, — поднял руку и начертил в воздухе талисман.

Золотые талисманские знаки закружились в воздухе, разрастаясь всё больше, пока перед ним не превратились в чёрные ворота.

Врата духов.

Из-за ворот тянуло ледяным ветром, а из глубины едва слышно доносился скрежет волочащихся по земле цепей.

Шэнь Цинцы одним пинком отправил призрачную женщину внутрь.

— Твою вину будет судить Преисподняя. Это не моё дело.

Затем он одного за другим переправил туда и остальных неприкаянных духов, застрявших в усадьбе. Обида призрачной женщины удерживала их здесь, не давая переродиться. Теперь же, когда Врата духов открылись, они один за другим поплыли к Шэнь Цинцы, словно благодаря его.

Шэнь Цинцы махнул рукой:

— Идите, идите. Не надо меня благодарить, быстрее на перерождение.

Последняя струйка иньской энергии рассеялась. Врата духов медленно сомкнулись и растворились в воздухе.

Гнетущая атмосфера старой усадьбы тут же рассеялась больше чем наполовину.

Шэнь Цинцы оглядел дом и нахмурился.

Хотя всех духов уже отправили прочь, многолетнее воздействие иньской энергии оставило всю усадьбу серой и тусклой, пропитанной затхлым запахом гнили и плесени. Как ни посмотри — неприятно.

Поэтому он сложил печать заклинания очищения.

Духовная сила, словно свежий ветер, прошла по каждому уголку усадьбы. Стены, пол, потолки, мебель, занавески... всё, что было видно и не видно глазу, было тщательно вычищено изнутри и снаружи.

Воздух мгновенно посвежел, и даже солнечный свет будто стал немного прозрачнее.

Шэнь Цинцы глубоко вдохнул и довольно щёлкнул пальцами.

— Щёлк.

Барьер исчез, и всё вернулось в норму.

Солнечные лучи пролились сверху на серую черепицу и синий кирпич. Вся старая усадьба выглядела так, будто её только что вымыли водой: светлая, чистая, тёплая — совсем не похожая на тот мрачный дом с призраками, каким была ещё недавно.

Режиссёр всё это время пребывал в состоянии «открыл рот — не может закрыть — снова открыл», словно рыба, выброшенная на берег.

Он хотел что-то сказать, но его мозг всё ещё не сумел перезапуститься после потрясения под названием «что я только что увидел собственными глазами».

Шэнь Цинцы подошёл к Лу Цзэяню и послушно улыбнулся ему. Глаза изогнулись двумя полумесяцами:

— Всё решено. Теперь можно идти есть хот-пот по системе шведского стола?

Улыбка была сладкой, будто липкий рисовый пирожок, только что вынутый из банки с мёдом. По ней совершенно нельзя было догадаться, что весь этот потрясающий небо и землю, заставляющий духов рыдать спектакль только что устроил именно он.

Лу Цзэянь вышел из оцепенения и на миг ослеп от этой улыбки.

Он опустил глаза и кивнул:

— Угу.

— Тогда пошли, пошли! — поторопил его Шэнь Цинцы. Его глаза сияли, словно два прожектора, а в голове уже были только рубец, утиные кишки и рулетики из жирной говядины.

Лу Цзэянь развернулся, собираясь увести его, но краем глаза заметил режиссёра, который всё ещё стоял на месте: рот приоткрыт, взгляд пустой, весь человек будто застыл на паузе.

Лу Цзэянь подошёл и похлопал его по плечу.

Режиссёр всем телом дёрнулся, словно очнувшись от сна.

— Проблема с усадьбой решена, — ровным тоном сказал Лу Цзэянь, словно сообщал, что сегодня хорошая погода. — Не забудьте заплатить.

Режиссёр механически кивнул несколько раз, и только потом до него дошёл смысл слов. Он поспешно вытащил телефон и начал оформлять перевод.

Шэнь Цинцы и Лу Цзэянь только дошли до парковки, как телефон звякнул.

Шэнь Цинцы достал его и увидел банковское уведомление о поступлении: 1 000 000,00 юаней.

Он уставился на длинную цепочку нулей, и глаза у него стали круглыми, как медные колокольчики.

Он энергично протёр глаза и пересчитал ещё раз.

Единицы, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллион.

Миллион.

Целый миллион.

— Это... — Шэнь Цинцы повернулся к Лу Цзэяню со сложным выражением лица. — Кажется, режиссёр ошибся с суммой перевода!

Лу Цзэянь мельком взглянул на экран его телефона и спокойно спросил:

— Мало?

— Нет-нет, слишком много! — Шэнь Цинцы замотал головой, как погремушка-барабанчик. — Я тогда показал один палец. Я имел в виду десять тысяч юаней.

Для бывшего офисного работника, который окончил университет совсем недавно, на испытательном сроке получал всего четыре с половиной тысячи, а остаток на его банковском счёте ни разу не превышал пятизначной суммы, десять тысяч действительно были большими деньгами.

Лу Цзэянь замолчал.

Вернёмся ко вчерашнему вечеру.

После того как Шэнь Цинцы мгновенно появился в его гостиничном номере и поздоровался, он спросил об этой старой усадьбе. Лу Цзэянь выбрал несколько самых серьёзных случаев и рассказал ему, после чего Шэнь Цинцы поднял один палец:

— Такая цена. Ниже уже никак.

На его беленьком детском лице было написано: «Я вообще-то очень дорогой, не торгуйся со мной». Контраст был просто убийственным.

Лу Цзэянь тогда вообще не колебался и сразу согласился. Всего-то миллион — меньше, чем съёмочная группа потеряла за последнее время.

Когда он передал цену Шэнь Цинцы режиссёру, тот едва не расплакался от счастья и заявил, что этот мастер просто образец совести: если проблема будет решена, миллион — сущий

пустяк. По сравнению с мастерами, которые, едва завоевав хоть какую-то известность, начинают заламывать цену, это вообще очень дёшево.

А теперь Шэнь Цинцы держал телефон и смотрел на сообщение о поступлении миллиона, совершенно ошалев.

Он посмотрел на Лу Цзэяня, опустил глаза к телефону, потом снова поднял взгляд на Лу Цзэяня.

— То есть... — Шэнь Цинцы сглотнул, и даже голос стал каким-то невесомым. — Ты ведь не подумал, что мой вчерашний один палец означает миллион?

Лу Цзэянь сохранил бесстрастное лицо.

Но Шэнь Цинцы мгновенно понял, что это молчаливое признание. Ну конечно. Вот что значит богатые люди: один палец — сразу миллион. Неудивительно, что все говорят, будто на богачах легко зарабатывать. Он посмотрел на свою руку и подумал: почему же тогда не показал ещё пару пальцев? Тогда до конца жизни можно было бы есть и пить без забот, даже стримить больше не пришлось бы.

Шэнь Цинцы глубоко вдохнул.

Потом ещё раз глубоко вдохнул.

А затем очень серьёзно, отчётливо произнося каждое слово, сказал:

— Лу Цзэянь, точно не хочешь со мной встречаться?

Лу Цзэянь: опять он за своё...

Уголок его рта едва заметно дёрнулся. Он открыл дверь машины:

— Садись. Разве ты не торопился есть хот-пот?

Опять сменил тему, но Шэнь Цинцы это совершенно не волновало. Усевшись на пассажирское сиденье, он продолжил без умолку:

— Серьёзно, я не шучу. По судьбе тебе действительно меня не хватает. Мы с тобой созданы друг для друга...

Лу Цзэянь спокойно завёл машину и не стал отвечать.

Шэнь Цинцы вздохнул:

— Эх~ Вот ты какой. Как только попадается вопрос, на который трудно ответить, сразу молчишь.

Лу Цзэянь:

— ...

<http://bllate.org/book/23945/2745366>